

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 94(470.5)

Л. А. Дашкевич

ПОДГОТОВКА ТЕХНИЧЕСКИХ КАДРОВ ДЛЯ ЧАСТНЫХ ГОРНЫХ ЗАВОДОВ УРАЛА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА¹

Аннотация. Уровень и качество технической подготовки работников частной промышленности Урала в дореформенный период XIX в. – один из наименее изученных и мало освещенных в литературе аспектов в истории образования. В статье на основе анализа обнаруженного косвенного фактического материала и сохранившихся документов предпринята попытка восполнить пробелы, существующее в этом вопросе. Автор показывает динамику развития частных школ в заводских поселках края, анализирует учебные программы и отношение власть имущих к распространению просвещения среди крепостного заводского населения. Исследование формулярных списков технических служащих позволяет сделать вывод о том, что в первой половине XIX в., несмотря на противодействие правительства, на уральских горных заводах благодаря складывающейся системе подготовки кадров постепенно увеличивалось число специалистов, получивших общее и специальное образование. Особо это было заметно на крупных частных предприятиях, владельцами которых были промышленники Демидовы, Строгановы, Всеволожские и др. К середине столетия знания и навыки людей, занимавших высшие и средние административные и технические должности, вполне отвечали требованиям времени. Заводовладельцы и их управляющие, впрочем, предвидели, что в скором будущем потребуются изменения сложившихся правил кадровой комплектации, что и произошло во второй половине века, в связи с развитием производства и инженерной науки.

Ключевые слова: горная промышленность, частное образование, технический персонал заводов, заводские школы.

Abstract. The paper discusses the level and quality of employees' technical training at the private factories in the Ural region in the pre-reform period of the XIX century, which appears to be one of the least explored aspects

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв. (традиции изучения и концептуализация)».

in the history of education. Analyzing the existing data and preserved documents, the author attempts to fill the above gaps and demonstrates the dynamics of the private schools development in the factory settlements of the region, their curricula and the government's attitude to the issue of the factory serfs' training. The research findings reveal that despite the government's resistance the number of educated professionals and technicians was gradually increasing in the first half of the XIX century. It was especially noticeable in the large private factories owned by the Demidovs, Stroganoffs and Vsevolozhskys. In the middle of the century, the expertise and skills of the top and senior managerial and technical staff had met the existing requirements. However, the top managers and factory owners anticipated the forthcoming changes in the personnel policy due to the engineering and industrial development in the last half of the century.

Keywords: mining industry, private education, technical staff of the factories, factory schools.

Уровень технической подготовки работников частной промышленности Урала в дореформенный период XIX в. – вопрос, который относится к числу наименее изученных в исторической литературе. Объясняется это, прежде всего, узостью источников, отсутствием сводной официальной статистики, касающейся грамотности и образования горнозаводского населения того времени. Тем не менее, обращаясь к обширному косвенному фактическому материалу, накопленному исследователями, и сохранившимся документам, можно судить об определенных тенденциях и динамике развития этой сферы.

К 1861 г. частное металлургическое производство Урала включало 78 посессионных и 53 вотчинных завода [4]. Какой-то особой системы общего или специального образования для подготовки технических кадров не существовало. Каждый владелец решал проблемы, связанные с обеспечением предприятий квалифицированными специалистами, по-своему, в соответствии с собственными финансовыми возможностями, целями и пониманием задач образования. Уже в XVIII в. некоторые заводчики создали в своих округах начальные школы, действовавшие по типу казенных горных училищ. Общее количество их пока не установлено, но, по упоминаниям в литературе, известно, что в 1765 г. такая школа была открыта в Нижнетагильском горном округе Демидовых [3], в 1794 г. – в селе Ильинском, принадлежавшем Строгановым [2].

В первой половине XIX в. количество учебных заведений в заводских поселках существенно увеличилось. Наиболее ранний из

обнаруженных нами официальных источников первой половины XIX в. о количестве школ и учащихся по частным горным заводам Урала датируется 1830 г. Это «Дело по отношению Пермского гражданского губернатора о доставлении к нему статистических сведений по Пермской губернии на случай путешествия государя императора» [15]. В нем собраны сведения почти по всем заводам Пермской губернии (отсутствует только рапорт конторы Уинского и Шермяитского заводов). Судя по документу, на 85 частных заводах Пермской губернии в тот период действовало 16 школ с общим числом 586 учащихся (для сравнения: на 16 казенных заводах той же губернии в 1832 г. существовали 22 школы, в которых обучались 1085 человек) [17]. В основном это были небольшие учебные заведения (от 12 до 56 человек в каждом). В каждом частном горном округе, как правило, работала лишь одна школа – при главном заводе. Крупные заводчики Турчаниновы, Строгановы, Демидовы, Всеволожские создали в своих имениях по 2–3 учебных заведения. Самым многочисленным среди них было Выйское училище Демидовых, в котором учились 130 школьников.

Существовали, однако, и такие округа (Верх-Исетский, Рождественский, Шайтанский, Лысьвенский, Сергинский, Уфалейский), где школ не было вовсе. Мизерные масштабы распространения просвещения на своих территориях заводчики обычно объясняли опасением потерять нужных для производства работников. «Привыкли до 19 лет держать одно перо, едва ли годны держать топор или другой какой инструмент», – говорил об учениках Выйской школы Н. Н. Демидов [20]. Боялись заводладельцы и «повреждения нравов» у просвещенных заводских жителей. «Отец иногда по суеверию и малому просвещению чего-либо не сделает, а сын, лишившись суеверия, на оное не посмотрит», – рассуждал тот же Демидов [21].

В 1847 г. в процесс организации школ в частных имениях вмешалось государство. Было издано специальное высочайшее повеление, обязавшее пермских владельцев иметь не менее одного училища на две тысячи душ населения в местах распространения раскола [6]. Это постановление, а также нужды развивавшегося производства привели к расширению школьной сети в частных горнозаводских округах. По данным «Статистических сведений о частных уральских заводах», составленных заводскими исправниками для канцелярии главного начальника уральских заводов», в 1859 г. в частных горнозаводских округах действовало уже 86 училищ

с общим числом 3534 учащихся, в том числе в Пермской губернии – 66 (2741 человек), в Оренбургской – 15 (679 человек), в Вятской, Самарской, Казанской и Вологодской – 5 (114 человек) [16]. Начальные учебные заведения были созданы практически при всех частных заводах. Они оставались небольшими, на 30–70 человек, в некоторых же и вовсе числилось по 4–6 человек.

Первоначально, как видно из многочисленных предписаний Демидова, Лазарева, Всеволожского, школы предназначались только для детей заводских служащих в целях пополнения персонала. После 1847 г. стали возникать образовательные учреждения и для детей мастеровых и заводских крестьян. Программа большинства частных школ, как, впрочем, и казенных, ограничивалась обучением заводских детей элементарной грамоте, хотя в некоторых заведениях вводились предметы, которые превышали официально разрешенный школьным уставом 1828 г. курс приходских училищ. Нередко это являлось причиной конфликтов с училищным начальством. Так, в 1831 г. училищный комитет Казанского университета распорядился закрыть горное училище при Юговском заводе Кнауфа, как действующее «вопреки существующих на сей предмет узаконений». Среди преподававшихся в училище предметов, сверх программы приходских школ ведения Министерства народного просвещения, числились всеобщая и российская история, всеобщая и российская география, черчение планов и маркшейдерское искусство. Длительная переписка с заводским управлением, однако, не имела успеха. В 1838 г. директор училищ Пермской губернии вынужден был признать, что Юговская школа, «не состоя под ведением Министерства народного просвещения, зависит от горного начальства и следует своим основаниям и правилам» [14]. Горное начальство первоначально снисходительно относилось к превышению заводчиками официально разрешенного в низших училищах учебного курса.

Лучшим среди частных горнозаводских учебных заведений, как уже говорилось, считалось Выйское училище Демидовых. Основанное в 1806 г. на базе Нижнетагильской арифметической школы, оно с самого начала деятельности имело расширенную учебную программу. В разные годы здесь преподавались всеобщая и российская география, российская история, геометрия, риторика, статистика России, немецкий, французский, английский языки, а с 1820-х гг. – специальные дисциплины: черчение планов, рисование, практическая геодезия. К 1838 г. училище приблизилось по своим учебным

программам к уровню специальных учебных заведений. В нем, помимо общеобразовательных предметов, изучали математическую географию, физику, естественную историю, алгебру, механику [23, 24, 25].

Казенные ревизоры весьма раздраженно относились к распространению среди крепостного населения «недозволенных» для этого сословия знаний, о чем можно судить, в частности, по донесениям визитатора Казанского университета П. А. Слобцова, который в 1828 г. осматривал школы Пермской губернии. В Алапаевском заводе, например, он обнаружил, что заводские дети осваивают предметы, относящиеся к программе гимназий. «Понаслышке мне известно, – писал П. А. Слобцов, – что подобные училища, без ведома университета, существуют в частных заводах Тагильском, Невьянском, Верх-Исетском и в других многих, несмотря на то, что в 1827 г. Лоцманов, учитель Верх-Исетского завода, показал уже пример буйства в мыслях и по высочайшему повелению был взят за разглашение анархических правил» [32]. Оценка чиновником противоправных поступков Андрея Лоцманова, пытавшегося создать на Урале некое сообщество «сподвижников свободы», напомиравшее масонские организации, весьма показательна: именно опасность воспитания подобных «анархических» мыслей более всего пугала правительство и оправдывала его ограничительные меры в отношении частных школ.

Во многом в силу подобных причин в 1842 г. все частные заводские училища Урала были переданы в ведение Министерства народного просвещения. Еще до принятия этого решения правительство обязало заводовладельцев ограничить учебный курс школ программой приходского училища. Исключение сделали лишь для Выйского училища. Положением от 14 ноября 1839 г. его приравнивали к рангу уездных, однако программу общеобразовательных дисциплин не «дотянули» до этого уровня. В 1840-е гг. заводские дети, помимо начальных предметов приходской школы, изучали лишь геометрию, черчение планов, рисование, пение и музыку. Историю и географию ввели в только в 1854 г. Тогда же расширили и объем специальных дисциплин учебного заведения. Помимо общего курса механики и горнозаводского искусства, утвержденного Положением 1839 г., здесь стали преподавать геодезию, неорганическую химию, основания геогнозии, минералогию, металлургию, законоведение (горные законы) и горнотехническое черчение [28, 29, 31].

Во многих школах по инициативе заводладельцев уделялось внимание практическим занятиям. Так, в 1839 г. в школе при Добрянском заводе Строгановых был учрежден ремесленный класс. В нем обучались восемь мальчиков из мастеровых. В первой половине дня ученикам преподавали закон Божий, арифметику и черчение машин, а после обеда дважды в неделю их отправляли в цеха, где под руководством мастеров обучали слесарному, токарному, модельному и прочим ремеслам. В 1841 г. четверо воспитанников были отправлены в Петербург на Александровский и Ижорский заводы. После возвращения в 1844 г. они были устроены мастерами в литейный, токарный цеха и «по механической части» [7].

Многоуровневая система практического обучения технических кадров среднего и низшего звена была задумана в имении Всеволожских. В феврале 1847 г. владелец предписал Пожевскому правлению установить следующий порядок подготовки своих будущих работников: до двенадцатилетнего возраста они должны были окончить два класса начальной школы, затем отправиться в обучение к мастерам в заводские цеха: столярный, литейный, слесарный и кузнечный. В каждом цехе ученикам полагалось стажироваться по одному году, одновременно занимаясь в чертежной. В семнадцать лет наиболее способные «к мастерствам» в течение трех месяцев осваивали доменное, пудлинговое, сварочное и катальное производство. Наконец, в восемнадцать лет молодые люди могли быть зачислены в «комплект» заводских цехов. Часть учеников, получивших производственную подготовку, администрация заводов отправляла для дальнейшего обучения в высшее училище, готовившее конторских служащих и надзирателей. Теоретический курс в нем был рассчитан на два года, по прошествии которых начиналась непосредственная практика, успешно пройдя которую ученики могли рассчитывать на вакантные места в заводских и вотчинных конторах либо в главном правлении заводов [9].

Кроме заводских школ, некоторые уральские промышленники для подготовки служащих открывали собственные училища в столице. Общеобразовательную программу, близкую к курсу уездных училищ, имел Петербургский пансион Демидовых (1822–1828) [36, 41]. В «Домашней школе» Всеволожских, помимо общих, преподавались специальные дисциплины: топография, лесоводство, горное искусство, архитектура, земледелие [8]. Лучшей среди этих заведений была строгановская «Школа земледельческих и горнозаводских наук». Она давала воспитанникам не только обширные знания по

специальным дисциплинам (горное искусство, металлургия, лесное хозяйство, архитектура) в объеме среднетехнических учебных заведений, но и довольно качественную общеобразовательную подготовку. Некоторые курсы читались профессорами Горного института. Однако ограничения, введенные в конце 1830-х гг., коснулись и этого учреждения: преподавание истории, статистики и немецкого языка было запрещено, русская словесность заменена грамматикой, сокращены курсы физики и географии.

По свидетельству В. Д. Белова, Демидовы – единственные из заводовладельцев, кто довольно широко практиковал обучение технического персонала за границей [1]. В 1804 г. в промышленные города Англии были направлены первые демидовские «воспитанники» – Андреян Густомесов, Иван Степанов, Александр Любимов и Леонтий Королев [34, 40]. В течение следующих тридцати лет в различных городах Европы (Шеффилде, Гуле, Париже, Меце, Руане, Фрайбурге, Дрездене, Стокгольме, Вене и др.) было обучено не менее тридцати мастеровых и служащих Нижнетагильских заводов, среди них известные техники и инженеры Ф. Швецов, А. Ерофеев, С. Козопасов, И. Макаров, П. Мокеев. Необходимость подготовки квалифицированного технического персонала за границей была вызвана недоступностью такого образования для крепостных в России. Столь крупные расходы могли себе позволить только владельцы крупных, доходных округов. Остальные заводовладельцы либо ограничивались эксплуатацией труда техников-практиков, получивших начальное образование в заводских школах, либо посылали детей служащих для повышения квалификации в частные технические учебные заведения (демидовское Выйское училище, строгановскую Школу земледельческих и горнозаводских наук) или государственные общеобразовательные (уездные училища) [11, 19, 35, 42].

Помимо школьных форм образования, на частных заводах широко использовалось производственное ученичество, особенно при подготовке технических кадров низшего звена: старших мастеров, уставщиков и др. Как свидетельствуют формулярные списки, все низшие техники были выходцами «из рабочего штата», т. е. детьми мастеровых и рабочих. Уровень грамотности последних на частных заводах Урала был неравномерным, но практически везде значительно уступал показателям казенных заводов, где в начале XIX в. существовала уже сеть заводских школ. В обнаруженной нами «Росписи письмоумеющим жителям» (1827 г.) на

Нижнетагильских заводах числилось всего 320 грамотных и малограмотных мастеровых [22]. Мужское же население округа по ревизии 1834 г. составляло 11760 человек. Следовательно, число грамотных заводских жителей у Демидова не превышало 3%. Схожая ситуация была и на предприятиях других владельцев. Согласно спискам «О всех заводских людях Режевской конторы» Яковлевых, относящимся к 1834 г., лишь 62 из 697 рабочих и служащих завода (около 9%) находились «при обучении письмоводству», при этом среди высших служащих число получивших образование составляло 68%, а среди рабочих и низших техников – всего 1,8% [18]. В «Деле о грамотных и неграмотных людях» Пермского имени Лазаревых от 1849 г. грамотная мужская часть мастеровых и низших технических кадров не превышала 5% [13]. Согласно тем же документам, на казенных заводах Урала в тот период доля грамотных рабочих составляла около 20%.

Среди среднего и высшего технического персонала частных заводов первоначально также преобладали техники-практики. Но постепенно, с активизацией технического перевооружения заводов, картина менялась. В Нижнетагильском округе Демидовых, например в 1799 г., судя по формулярным спискам, лишь около 30% технических служащих среднего и высшего звена (12 из 41) имели образование, да и то на уровне начальной школы. Это были большей частью выпускники Нижнетагильской арифметической и Фокинской сельской школ [37, 38, 39]. В 1840 г. уже около 70% кадров технического персонала среднего и высшего звена (56 из 83) имели не только общее, но и специальное образование [27]. Большинство служащих, в соответствии с формулярными списками 1840 г., окончили курс Выйского училища. Пять человек обучались сверх того еще и в Петербургском пансионе, один – в Пермской гимназии, двое – закончили Московское агрономическое училище и Школу императорского общества сельского хозяйства, десять – имели запись об образовании за границей.

В пермском имении Строгановых, как свидетельствуют формулярные списки 1835–1837, 1842–1846 и 1856 гг., подавляющая часть технического персонала (служащие высшего звена – почти все, среднего – около половины) была подготовлена в Школе земледельческих и горнозаводских наук [43, 44, 45, 46, 47, 48]. Любопытно, что ни в одном из этих списков нет отметок об обучении за рубежом. Очевидно, Строгановы, в отличие Демидовых, не видели большой необходимости в такой подготовке, хотя известно, что

и у них были свои «заграничные воспитанники» (А. Теплоухов, П. Шарин и др.). Не обнаружилось записей об образовании в других государствах и в формулярных списках служащих имения Всеволожских за 1849 г. [10]. Значительная доля кадров технического персонала высшего звена (управляющие, приказчики), в соответствии с данными списками, получила образование в Петербургской «домашней» школе, курс которой был близок к среднетехническим учебным заведениям. В среднем звене (цеховые смотрители, надзиратели) выпускники «домашней» школы составляли примерно половину.

В горнозаводском округе Лазаревых, согласно «Обзору Пермского имения», составленному в 1855 г. управляющим Г. Надуткиным, один из главных приказчиков получил образование в строгановской Школе земледельческих и горнозаводских наук. Два специалиста лесного хозяйства обучались в Екатеринбурге под руководством ученого форштмейтера Шульца, еще двух молодых служащих предполагалось направить в демидовское Вьйское училище [33]. Важную роль в подготовке местных специалистов играла заводская чертежная. Ученики попадали в нее после приходского Чермозского училища. По окончании обучения в чертежной им присваивали разряд практикантов, а затем – приказчиков или смотрителей.

В условиях начавшегося промышленного подъема заводладельцы вынуждены были задуматься о привлечении на свои производства и специалистов с высшим образованием. В предписании Анатолия и Павла Демидовых Нижнетагильской конторе в 1839 г. говорилось: «Одна из самонужнейших вещей в будущем для будущего благосостояния наших заводов – есть образование молодого инженера, обладающего всеми нужными познаниями в положении технического управляющего Нижнетагильскими заводами, то есть всею горною наукою нынешнего времени. Конечно, этот инженер еще не нужен ныне, но он необходим будет чрез 12 или 15 лет» [26]. Им вторил управляющий имением Лазаревых Г. А. Надуткин. В 1849 г. он писал: «Умный ученый механик один может произвести радикальную реформу во всем сложном заводском производстве, увеличить производительные силы, обучить людей к постройке, к постановке, к управлению машин. Он один выполнит все лучше и вернее, чем бывшие и настоящие практиканты и ученики Пермского имения, стоившие и ныне стоящие многих тысяч рублей» [12].

Тем не менее выпускники государственных специальных учебных заведений в дореформенный период на службу в частные округа нанимались редко. По «Статистическим сведениям о частных уральских заводах» за 1859 г., там насчитывалось всего 12 отставных горных инженеров и чиновников [16]. Незначительной была и численность иностранных специалистов – всего 24 человека. Военизированная горная служба привязывала инженеров к казенным заводам, давая им массу льгот и привилегий. Например, в горном ведомстве существовал особый порядок назначения пенсий. Если гражданские служащие получали право на пенсию в размере половинного жалования после 25 лет службы, а полного – после 35, то горный чиновник имел половинную от жалования пенсию после 20, а полную – после 25 лет срока службы [5]. Одним из условий выслуги пенсии была непрерывность трудовой деятельности. На Урале сложились целые династии горных инженеров (Иосса, Гразгофы, Грамматчиковы и др.).

Противоречие между гражданским характером работы горных инженеров и полувоенной организацией их службы стало предметом обсуждения в правительственных комиссиях 1850-х гг., в результате чего были приняты решения, коренным образом изменившие правовое положение этой категории служащих. С 1867 г. горные инженеры были освобождены от военных чинов и мундиров, строгой субординации и дисциплины. Их количество в частной промышленности после этого существенно увеличилось.

Итак, в первой половине XIX в. на частных уральских заводах постепенно возрастала роль специалистов с общим и специальным образованием. Особо выделялись по качеству подготовки технические кадры в крупных частных округах – у Демидовых, Строгановых, Всеволожских. Их знания и навыки к середине столетия вполне отвечали требованиям времени: высшие и средние административные и технические должности были укомплектованы в основном людьми, имеющими среднее или низшее техническое образование. При существовавшем уровне развития производства, когда инженерия в горном деле и металлургии оставалась еще практическим «искусством», такая квалификация была вполне достаточна. К этому надо добавить, что, по свидетельству формулярных списков, высшие и средние администраторы в частной промышленности почти всегда назначались на руководящие должности после службы в низшем звене, что позволяло им на практике познакомиться не только с техникой и технологией предприятий, но и с си-

стемой учета и хозяйственных связей округа. Заводовладельцы и их управляющие, впрочем, предвидели, что в скором будущем потребуются изменения сложившихся правил кадровой комплектации, что и произошло во второй половине века, в связи с развитием производства и инженерной науки.

Литература

1. Белов В. Д. Исторический очерк уральских горных заводов. СПб., 1896. С. 73.
2. Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е годы XVIII в. – первая половина XIX в.): учеб. пособие. Пермь, 1992. С. 8.
3. Лысова О. А., Осипова Л. А. К вопросу о развитии образования на Урале в XVIII веке // Из истории духовной культуры дореволюционного Урала: сб. ст. Свердловск, 1979. С. 97–111.
4. Памятная книжка для русских горных людей на 1862 год. СПб., 1862. С. 11–24.
5. Проект Горного положения. СПб., 1806. С. 584–590.
6. Собрание постановлений по части раскола. СПб., 1875. С. 367.
7. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. Р. 790. Оп. 1. Д. 2308. Л. 55.
8. ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 684. Л. 1–25.
9. ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 692. Л. 13–14.
10. ГАПК. Ф. 176. Оп. 1. Д. 708. Л. 1–151.
11. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 766. Л. 13.
12. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1023. Л. 45 об.
13. ГАПК. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1031. Л. 1–40.
14. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 23. Д. 7259. Л. 1–21.
15. ГАСО. Ф. 24. Оп. 32. Д. 4416. Л. 1–168.
16. ГАСО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 320. Л. 1–248.
17. ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1640. Л. 1–284.
18. ГАСО. Ф. 72. Оп. 1. Д. 2075. Л. 1–161.
19. ГАСО. Ф. 102. Оп. 1. Д. 375. Л. 25 об.
20. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 422. Л. 163.
21. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 422. Л. 179 об.
22. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 574. Л. 1–27.
23. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 703. Л. 14.
24. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 743. Л. 12–15 об., 21, 54–59, 66–71.

25. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 758. Л. 163.
26. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 771. Л. 61 об.
27. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 793. Л. 1–75.
28. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 946. Л. 21 об, 97–113 об.
29. ГАСО. Ф. 643 Оп. 1. Д. 1029. Л. 135.
30. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1131. Л. 6.
31. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 1170. Л. 72–76.
32. Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1. Д. 2506. Л. 38.
33. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 1252. Оп. 1. Д. 1882. Л. 32–32 об., 96 об–97, 151 об., 318, 383, 449.
34. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 2. Д. 403.
35. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 3. Д. 576.
36. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 4. Д. 216. Л. 1–7.
37. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 343.
38. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 344.
39. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 366.
40. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1300. Л. 6.
41. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 7. Д. 1935. Л. 1–6.
42. РГАДА. Ф. 1263. Оп. 10. Д. 1588.
43. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4396.
44. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4528.
45. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4664.
46. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4813.
47. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 4816.
48. РГАДА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 8274.